

УДК 343.8

ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРАВЕ

Алексей Александрович Кузнецов

Сочинский филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России),
Сочи, Россия, omsklaw07@mail.ru

Аннотация. Проблемам совершенствования института ответственности в уголовно-исполнительном праве уделяется необоснованно мало внимания. Отсутствие представления о данной категории как самостоятельном виде юридической ответственности, ее подмена административной, гражданской и дисциплинарной ответственностью сегодня привели к тому, что, по сути, самостоятельная отрасль правового регулирования общественных отношений «растворяется» в других правоотношениях. Подобная ситуация в уголовно-исполнительном праве носит исторический характер и в современной доктрине воспринимается как обыденная, не вызывая оживленных дискуссий. В свою очередь, именно ответственность представляет собой центральную категорию, отсутствие которой «размывает» саму отрасль правового регулирования, делая уголовно-исполнительное право «придатком» других правовых сфер. При этом уголовная ответственность остается предметом анализа преимущественно уголовно-правовой доктрины, т. е. отрасли материального права. Такая ситуация требует всестороннего научного изучения, а нормы об ответственности — самостоятельного изучения в рамках уголовно-исполнительной теории с учетом накопленных знаний в юридической науке.

Ключевые слова: ответственность, форма реализации, правоотношение, законность, целесообразность, принуждение

Для цитирования: Кузнецов А. А. Формы реализации ответственности в уголовно-исполнительном праве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 4 (75). С. 55—64.

FORMS OF LIABILITY IMPLEMENTATION IN PENAL LAW

Aleksey Aleksandrovich Kuznetsov

Sochi branch of the All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia, omsklaw07@mail.ru

Abstract. The issues of liability institute improvement in penal law are poorly dealt with. The notion of this kind of category as a separate type of legal liability is either missing or substituted for administrative, civil or disciplinary liability. Therefore, this independent branch of legal regulations of social relations has "dissolved" in other legal relationships. This very situation in penal law is historical in nature and regarded as trivial in contemporary doctrine, not encouraging much discussion. However, it is liability that presents the central category. Its absence "blurs" the very branch of legal regulations making penal law "an appendage" for other legal spheres. Thus, criminal liability is still the subject of consideration of criminal law doctrine, namely material law branch in most cases. This situation requires scientific analysis and liability norms should be studied separately, within the penal theory, and taking into account, the knowledge accumulated in legal science.

Keywords: liability, a form of implementation, legal relationship, legality, feasibility, compulsion

For citation: Kuznetsov A. A. Forms of liability implementation in penal law. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 55—64, 2025. (In Russ.).

«Участь» любой процессуальной, а также исполнительной отраслей права, в особенности их отдельных категорий, напрямую определяется теми установками, которые задаются в соответствующих материальных сферах правового регулирования общественных отношений. Ответственность не исключение. В уголовно-исполнительном праве претерпевание тягот и лишений, как апофеоз порицания государством лица, признанного виновным в совершении преступления, составляет суть всей отрасли. Собственно именно там ответственность (а не просто факт принуждения таких лиц) впервые с момента совершения ими общественно опасного деяния начинает находить свое непосредственное выражение. Лицо уже признано виновным, оно ответственно за то, что совершило, а механизм государственного принуждения начинает функционировать исключительно в связи с его наличием, реализуясь во вполне конкретных мерах и средствах.

В то же время меры принуждения не находятся в единой системе государственного принуждения, при этом, безусловно, оставаясь элементом его волеизъявления. Вопрос в данном случае именно в единстве системы, включая и понимание, и правовую природу происхождения. Имея некоторую связь с ранее назначенным видом и размером наказания, а также с определенным режимом его отбывания, сами специалисты принуждение больше видят как отдельное проявление мер административного или даже дисциплинарного характера. Современное уголовно-исполнительное право обращается к всевозможным правовым категориям в ходе рассуждений об ответственности, однако при этом практически никак не опирается на материальную область правового регулирования данной сферы общественных отношений [1]. В свою очередь, создание единого механизма государственного принуждения за факт совершенного преступления, в основе которого будет лежать ответственность, помимо формирования прочного правового основания для применения наиболее репрессивных мер, также позволит ответить на вопрос относительно форм их реализации в данной отрасли в целом, без присущего до сих пор дробления на отдельные направления. Это также исключит и уже окончательно утвердившееся игнорирование уголовной ответственности, как якобы не относящейся к уголовно-исполнительной сфере, опять же через призму отношения к последней как к отдельной отрасли правового регулирования.

Исходя из видения уголовно-правовых отношений в качестве монолитной конструкции, представляется правильным решение вопроса не только самой ответственности, но и проблемы форм ее реализации. Более того, необходимость обращения к данной проблематике также диктуется той неопределенностью, которая в этой части уже давно утвердилась, в некоторой степени даже превратившись в нечто устоявшееся и самобытное, а соответственно, не требующее самостоятельного анализа. Между тем отсутствие сегодня того единства, которое необходимо при решении вопросов государственного принуждения в уголовно-правовой сфере, приводит к неопределенности в целом всего правоотношения. Выход из сложившейся ситуации возможен лишь на доктринальном уровне, влекущем за собой определение правовой природы любого явления, его статуса и места среди других правовых категорий. В этом отношении не исключение и форма реализации ответственности в уголовно-правовом регулировании общественных отношений в ее уголовно-исполнительной части.

Действующий Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации в рамках целого ряда соответствующих статей устанавливает несколько форм принуждения, не относящихся к проявлениям уголовной ответственности. Более того, в одних случаях, например ст. 29, 38, 46, 58 и др. Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (далее — УИК РФ), законодатель напрямую использует термин — ответственность (естественно, без указания ее вида). В других случаях, например ст. 60.14, 71, 115, 153, 168 и др., речь идет о мерах взыскания, что априори не одно и то же, что ответственность [2, с. 135]. Уже это одно само по себе указывает на существующую неопределенность в установлении того, что следует понимать под формами реализации государственного принуждения. При этом сама ответственность (любого вида) выступает в качестве одной из таких форм, по-прежнему оставляя в стороне материальную отрасль правового регулирования. Нельзя также забывать и о тех ограничениях, которые накладываются на виновного в зависимости от режима назначенного ему наказания, который опять же напрямую зависит от вида совершенного преступления и категории его тяжести. Отсюда и вывод о формах реализации ответственности должен формулироваться в рамках обозначенных направлений, каждое из которых предполагает претерпевание осужденным определенных тягот и лишений.

Еще одной потенциальной формой реализации ответственности (как элемента государственного принуждения) в уголовно-исполнительном праве является институт probation, не так давно появившийся в отечественном законодательстве¹. В частности, его исполнительный, пенитенциарный, постпенитенциарный, ресоциализирующий характер, как и некоторые другие аспекты, также напрямую указывают на целое направление принуждения, в рамках которого происходит претерпевание виновным ответственности (в том или ином виде) за совершенное им преступление. Несмотря на безусловность социальной направленности данной меры, постановка вопроса относительно ее места в системе государственного принуждения необходима. В связи с этим нельзя не согласиться с К. Н. Карповым, который, раскрывая, по сути, принудительную правовую природу данного института, уже сейчас предлагает именно в данной части исследуемую меру скорректировать в сторону расширения полномочий уголовно-исполнительных инспекций по установлению индивидуальных требований к поведению «подопечного» в рамках процедуры probation (пройти медицинское лечение, пройти курс обучения в учебном заведении, трудоустроиться, отказаться от употребления алкоголя, осуществлять помощь несовершеннолетним детям и т. д.) [3, с. 184—186]. Таким образом, автор видит контроль как проявление ответственности, а его усиление — лишь усиление все той же ответственности.

Надо сказать, что законодатель, обозначая свою позицию относительно мер принуждения в уголовно-исполнительной сфере, изначально исходит из категории «ответственность», что нашло свое выражение в соответствующих статьях УИК РФ. К видам наказаний, исполнение которых нарушается осужденным, что влечет за собой именно ответственность, законодатель отнес: обязательные работы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, исправительные работы и ограничение свободы. В других случаях им используется категория «мера взыскания» (принудительные работы, арест, лишение свободы и др.), которая сама по себе выступает в качестве одной из форм проявления именно ответственности. С учетом наличия в федеральном законодатель-

стве также других средств воздействия на виновного, таких как probation или меры, обозначенные в Уголовном кодексе Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ) (ст. 73, 79 и др.), но реализуемых уже в рамках уголовно-исполнительных отношений, знаменателя сегодня в данном вопросе пока что явно не существует.

Между тем все меры государственного принуждения, которые на этом этапе применяются в рамках уголовно-исполнительных отношений, вне зависимости от их правовой регламентации, но с учетом характера оказываемого влияния на осужденного, можно разделить на несколько групп. В соответствии с таким воздействием на лицо, отбывающее наказание, формами реализации ответственности являются:

1) *ограничения*. Данная форма реализации наказания свое выражение в таких средствах принуждения, как: все виды наказаний, связанных с лишением и (или) ограничением свободы (лишение свободы на определенный срок, ограничение свободы, арест, пожизненное лишение свободы и др.); перевод осужденных в помещения камерного типа, единые помещения камерного типа и одиночные камеры, а также водворение в штрафные и дисциплинарные изоляторы; водворение в дисциплинарный изолятор на срок до семи суток с выводом на учебу; водворение в штрафной изолятор на срок до 10 суток и др.;

2) *лишения*. Указанная форма реализации ответственности проявляется в таких средствах принуждения, как: *лишение* права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; *лишение* специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград; лишение права просмотра кинофильмов; лишение родительских прав; отмена права проживания с семьей на арендованной или собственной жилой площади и др.;

3) *принуждение*. Возмещение причиненного ущерба; удержания из заработной платы и иных доходов осужденных к лишению свободы; перевод осужденных мужчин, являющихся злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, содержащихся в исправительных колониях общего и строгого режимов, в помещения камерного типа, а в исправительных колониях особого режима и тюрьмах — в одиночные камеры; отмена права проживания вне общежития и запрет выхода за пределы общежития в свободное от работы время на срок до 30 дней; перевод для дальнейшего отбывания наказания из воспита-

¹ О probation в Российской Федерации: федер. закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ. URL: <https://rg.ru/documents/2023/02/09/probacia.html> (дата обращения: 08.06.2025).

тельной колонии в изолированный участок воспитательной колонии, функционирующий как исправительная колония общего режима, при его наличии или в исправительную колонию общего режима; водворение в помещение для нарушителей на срок до 15 суток и др.;

4) *контроль*. Надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы; обязанность осужденного до двух раз в месяц являться в уголовно-исполнительную инспекцию для регистрации; задержание на срок до 48 часов; объявление розыска осужденных к наказаниям в виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, а также условно осужденных, осужденных с отсрочкой отбывания наказания, уклоняющихся от контроля уголовно-исполнительной инспекции; probation; режим высылки; наблюдение и контроль за поведением осужденных в исправительном центре и по месту работы, а также в иных местах их пребывания; административный надзор; испытательный срок; учет осужденных; контроль соблюдения осужденными предусмотренного приговором суда запрета занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и др.;

5) *porицание*. Судимость; принудительные меры воспитательного воздействия; выговор; строгий выговор; дисциплинарный штраф; официальное предостережение и др.

Следует отметить, что все перечисленные средства принуждения осужденного за совершение преступления применяются в рамках отбывания того или иного наказания, при этом по своей видовой принадлежности не относясь ни к наказанию, ни к уголовной ответственности¹ [4]. Парадоксальность ситуации усугубляется тем, что все ограничения прав и свобод человека происходят уже не на основании решения суда, а в рамках уголовно-исполнительных отношений на основании властных полномочий отдельных должностных лиц либо коллегиально. По сути, именно вопросы ответственности, а не чего-либо другого находятся во власти субъективного, фактически позволяя принимать оперативные решения, не опираясь при этом на мнение суда. Безусловно, такие действия подвержены внутриведомственному контролю, прокурорскому надзору или контролю со сто-

роны иных служб, но тем не менее это все также внесудебное ограничение прав и законных интересов человека в связи с ранее совершенным им преступлением.

Что важно, эта часть государственного принуждения существенно отличается от той, что реализуется на уголовно-процессуальной стадии. Там все носит вероятностный характер, начиная от неустановленного факта совершения преступления и завершая лишь предполагаемым вариантом поведения субъекта правоотношения. Здесь иная ситуация, однако субъект принятия решения, так же как и в рамках уголовно-процессуального правоотношения (и даже в большей степени), оказывается самостоятельным, будучи способным выступать в роли непосредственного регулятора как объема репрессии (в основном ее качественной составляющей), так и его видового разнообразия.

Больше полномочий в данном вопросе можно встретить только у зарубежных «коллег», работающих в уголовно-исполнительной системе в странах англо-саксонской группы² [5]. Так, в Примерном Уголовном кодексе США предоставляется право на толкование при реализации его предписаний, в том числе относительно объема мер воздействия, которое в соответствии с ч. 3 ст. 1.02 должно осуществляться «в интересах общих целей, сформулированных в настоящей статье, и специальных целей толкуемого положения»³. По мнению самих составителей Примерного Уголовного кодекса США, увеличение размера наказания виновному оправданно, когда это «необходимо для защиты общества»⁴. Более того, в отдельных штатах США решение вопроса о минимальном сроке наказания в виде лишения свободы полностью «отдается на рассмотрение управления исправительных учреждений»⁵. Следовательно, «время реального нахождения осужденного в местах лишения свободы по неопределенному приговору зависит от административного органа — совета по условно-досрочному освобождению» [6, с. 274].

Аналогичным образом выглядит ситуация и в Англии, где «превентивное заключение» и «продленный срок лишения свободы» применяются

² В историческом контексте аналогичный подход демонстрировался в отечественном законодательстве по состоянию середины XIX столетия.

³ Примерный Уголовный кодекс (США). Москва, 1969. С. 33.

⁴ Model Penal Code. Philadelphia, 1985. P. 102—103.

⁵ Kentucky Penal Code. Banks-Baldwin law publishing Co. Cleveland, 1996—1997. P. 1092.

¹ В связи с этим крайне сложно поддержать позицию Т. Г. Антонова, разделившего все средства принуждения в зависимости от целей их применения и направлений воздействия (ответственность, обеспечительный, предупредительный характер и др.).

к так называемым привычным или упорным преступникам еще с 1908 г. [7] В Великобритании средства трансформации уже назначенного наказания могут использоваться на уровне так называемой тюремной дисциплинарной практики, в рамках которой начальник администрации конкретного места лишения свободы наделяется в том числе судебными полномочиями [8].

Однако если законодательство стран англосаксонской правовой семьи базируется на началах целесообразности (часто неограниченной), что делает логичным реализацию такого подхода, то российское законодательство традиционно основывается на идее законности. Причем законность далеко не означает лишь сам факт указания чего-нибудь (конкретной меры) где-нибудь (в законе, ведомственном нормативном правовом документе, распоряжении, письме и т. д.). Она должна рассматриваться системно и проходить через все институты, вне зависимости от отрасли правового регулирования. В связи с этим и ответственность в уголовно-правовой сфере не может быть такой в уголовном праве и принципиально иной в уголовно-исполнительном праве. Речь необходимо вести как минимум о неурегулированности данного вопроса, а как максимум о его системном несоответствии базовому принципу всей отечественной правовой системы — законности. Именно идеологически законность представляет собой ту категорию, которая образует институты, причем взаимосвязанные друг с другом, формируя таким образом межотраслевые связи. Это не просто отдельные нормы и их соблюдение в процессе применения, а пронизанное единой идеей правовое пространство [9—11], что должно иметь наиболее позитивный эффект. Хотя известно, что разность правовых систем, а соответственно, и их институтов, не означает их большей или меньшей позитивности. Вопрос в данном случае в другом: насколько достижимым ориентиром вообще является сама законность, особенно с учетом той динамики трансформации общественных отношений, которую мы наблюдаем в последние несколько десятилетий? Насколько она сама может выступать в качестве непреложной константы в современных условиях?

Впрочем, ответы на поставленные вопросы вряд ли возможны в рамках настоящего исследования и в большей мере носят риторический характер. Речь скорее должна идти не о соблюдении начала законности, а о возможности его реализации (в сочетании с идеей целесообразности) [12, с. 25, 34, 39] в рамках института ответственности

через призму двух отраслей права — уголовного и уголовно-исполнительного. Можно при этом отметить, что от самой идеи, будь то законность или целесообразность, напрямую зависят не только пределы усмотрения в ходе реализации уголовной репрессии, но и сами формы реализации уголовной ответственности. Идеиная разность в подходах к решению данной проблемы влечет за собой и формирование иного разнообразия средств воздействия на лиц, уже признанных судом виновными в совершении преступления.

В свою очередь, в рамках уже существующих форм реализации либо под влиянием трансформации общественных отношений в пределах уголовно-исполнительного права будет появляться что-либо еще; как формы, так и конкретные средства будут зависеть именно от идей законности и целесообразности. Дрейф в сторону каждой из них носит максимально объективный характер, лежащий в области фактических потребностей государства в противодействии преступности. Отсюда и относительно недавнее возникновение в уголовном законодательстве таких явлений, как пробация, режим высылки, судебный штраф, наряду с активным обсуждением такой меры, как лишение гражданства и прочих, ранее либо используемых лишь при определенных обстоятельствах, либо немислимых даже в исторической ретроспективе средств государственного принуждения. Все они продукт настоящего времени, производные от тех проблем, которые для него не просто характерны, а наиболее опасны уже сейчас. Отсюда и возможность практически мгновенной реакции государства, допускающей, по сути, крайние меры реагирования на любые новые общественно опасные проявления, при этом невзирая ни на какие условности в виде закономерностей развития, исторических предпосылок и даже соответствия международным документам [13; 14]. В этом отношении уголовно-исполнительное право, несмотря на свой несколько вторичный (исполнительный) уровень принудительного воздействия, способно не менее, а быть может, и более активно участвовать в трансформации самого подхода к его реализации именно в данной части, с учетом происходящих изменений в общественном развитии и тех вызовов, которые они провоцируют для государства в целом.

Т. Г. Антонов по этому поводу отмечает, что «существует три уровня воздействия на поведение осужденного с целью принудить его к отбыванию наказания. Первый — меры уголовно-исполнительного характера. Второй — уголовно-правовые

меры, не относящиеся к уголовной ответственности, представляющие собой изменение уголовного правоотношения в худшую для осужденного сторону. Третий уровень — меры уголовной ответственности за общественно опасные деяния» [15, с. 44—46]. При этом автор совершенно справедливо отмечает, что действующее законодательство не всегда последовательно закрепляет нормы, предусматривающие меры воздействия на осужденного, в частности обращая внимание на ст. 314 УК РФ. И это характерно как в рамках межотраслевого регулирования данного вопроса, так и в пределах самого уголовно-исполнительного права, в части появления в нем новых мер принуждения к осужденным и их взаимодействия с ранее уже существовавшими и применяемыми средствами.

Между тем деление всех средств принуждения, которые могут быть применимы к лицу, уже признанному виновным в совершении преступлений, на меры собственно принуждения, ответственность, воздействие или что-либо другое вряд ли целесообразно. Особенно если учесть то обстоятельство, что они далеко не однопорядковые категории. Ответственность и то, что применяется в ее рамках, не одно и то же. Хотя следует признать, что правовая наука действительно стоит на позиции дифференциации того же принуждения и воздействия, как, впрочем, такое разделение практикуется и применительно ко многим другим, но схожим категориям [16, с. 41—43]. Это позволяет авторам говорить о том, что «с точки зрения внешне выраженных форм принуждение как социально-правовое явление приобретает характер правоприменительного процесса, конкретной правовой деятельности по применению принудительных мер в строгом соответствии с процедурно-процессуальными нормами. В этом смысле принуждение может приобретать свойства и форму правосудия, административной, дисциплинарной и иной юрисдикции» [17, с. 36]. Все они связаны со сферой уголовно-правового регулирования, но при этом каждый из них (помимо самостоятельной правовой регламентации) выполняет собственные задачи и направлен на достижение свойственных только ему целей. Следует согласиться с В. В. Серегиной в том, что «цели принуждения многоаспектны. Видимо, можно говорить об общих целях государственного принуждения как социально-правового явления и о целях, свойственных каждой из форм в отдельности» [17, с. 46]. Даже при совпадении тех или иных целей различных способов воздействия (что вполне возможно) это не отрицает наличия особенностей у каждого

вида правового регулирования в силу специфики их предмета и метода [18, с. 41].

В связи с этим отметим, что способы воздействия, включая и стадию реализации и даже последствий такой реализации, могут существовать исключительно в пределах ответственности, которая для них носит характер формы, а сами средства (принуждения или воздействия) — содержания. Так, «нести ответ», «держать ответ»¹ можно лишь посредством претерпевания тех тягот и лишений, которые налагаются на виновное лицо и выглядят в качестве конкретных средств принуждения, воздействия и т. д. Ответственность, таким образом, может включать в себя абсолютно все средства как принуждения, так и воздействия (которые, кстати, также не лишены своего содержания).

К. Н. Карпов пишет по этому поводу следующее: «...исполнение наказания и иных мер уголовно-правового характера предполагает такое воздействие, которое позволит различными путями (общая перевенция (устрашение), физическая изоляция, перевоспитание, исправление и т. д.) изменить поведение субъекта данных правоотношений в сторону правомерности (т. е. привести его к изначально заданным (предполагаемым) параметрам)» [19, с. 88]. Согласиться с автором в данном случае можно лишь частично. Дело в том, что он ведет речь исключительно об исполнении наказания и реализации иных мер уголовно-правового характера, что, безусловно, не включает в себя весь перечень средств принуждения, которые могут быть применимы к осужденному. Все остальное, по мнению специалиста, носит факультативный характер и может быть реализовано исключительно в рамках общеправовых ограничений. Вместе с тем иные меры уголовно-правового характера точно так же, как и иное воздействие, к таковым не относящееся, имеют факультативный характер, что ставит под сомнение их наличие в данном перечне. С другой стороны, говорить о том, что все остальные средства воздействия реализуются в рамках исключительно общеправовых ограничений, также представляется не совсем верным. Более того, они как раз часто регламентируются отраслевым законодательством, в частности уголовно-исполнительным (в части наложения взысканий за нарушения режима отбывания наказаний), административным (например, адми-

¹ URL: <https://rus.stackexchange.com/questions/471328/Какова-этимология-слова-ответственность> (дата обращения: 28.07.2025).

нистративный надзор, режим высылки и т. д.) и даже уголовным (отмена условного осуждения, условно-досрочного освобождения от дальнейшего отбывания наказания, контроль в отношении условно осужденных). В то же время нельзя не признать, что высказанный автором подход в целом является для отечественной доктрины восприимчивым.

Впрочем, именно такая восприимчивость и представляет собой проблему для дальнейшей разработки данной проблематики. По сути, в указанном вопросе мы уже давно имеем дело с догмой, преодоление которой при дальнейшей и весьма упорной трансляции одних и тех же знаний невозможно. В свою очередь, включение в систему средств принуждения помимо установленных в уголовном законе мер, в том числе за счет тех, что содержатся в уголовно-исполнительном законодательстве, собственно сферу исполнения (не наказаний) делает совершенно иной, приводя при этом в соответствие содержание ответственности всей сферы уголовно-правового регулирования общественных отношений. Сам факт признания всей сферы уголовно-исполнительного права (в части мер принуждения) единой формой реализации ответственности (с предложенным, но последующим делением на их отдельные виды) позволит двигаться в направлении формирования единой системы средств противодействия преступности на всех ее уровнях. А они именно едины, особенно если учесть присваиваемую (почему-то в первую очередь) уголовному праву воспитательную функцию. Между тем данная функция носит помимо межотраслевого и уголовно-исполнительный характер.

Этот факт находит подтверждение в работах Н. С. Таганцева, который отмечает, что тюрьма может содействовать гражданскому перерождению заключенного. И далее: «...тюремное заключение обладает одним из наиболее существенных качеств наказания — приспособляемостью к особенному характеру наказываемых»¹ [20, с. 300; 21]. Вместе с тем тюрьма, по общему мнению Н. С. Таганцева, А. А. Пионтковского [22, с. 25—26], Н. Ф. Лучинского [23, с. 65] и других специалистов, должна сохранять свое репрессивное начало, что

становится возможным далеко не в последнюю очередь за счет предусмотренных мер принуждения, которые там могут быть применены к заключенным. Отсюда и вывод о единстве механизма воздействия на личность преступника, а установление видов и правил реализации конкретных средств воздействия — это лишь вопрос выбора государства. Более того, тот же Н. С. Таганцев в свое время прямо указывал, что все средства, которые могут быть применены при реализации наказания, должны быть предусмотрены только в уголовном законе, так как они напрямую с ним связаны [20, с. 302]. Пожалуй, такой подход позволит не только сформировать единую систему средств принуждения, но и действительно определить границы самой ответственности, четко обозначить ее предмет [24].

Таким образом, доктрина отечественного уголовного права изначально стояла на позициях централизации принуждения в уголовно-правовой сфере регулирования общественных отношений. При этом что относить к ответственности, а что нет — это вопрос уже современного периода. Обусловлено это по крайней мере одной простой причиной: в конце XIX — начале XX столетия категория «ответственность» еще не была настолько разработана, как сейчас. Более того, о ней на тот период практически ничего не говорилось в теории уголовного права. Тем не менее предпосылки для разработки иного подхода по отношению к существующему, в части правовой регламентации средств принуждения, были заложены именно в то время.

Исходя из изложенного, с уверенностью можно констатировать факт доминирования практически глобальной неопределенности в решении вопроса относительно как правового статуса средств принуждения в уголовно-исполнительной сфере, так и форм их реализации. В свою очередь, оба вопроса неотрывно связаны друг с другом, а их решение по отдельности вряд ли представляется возможным. Полагаем, что отнесение таких средств воздействия к категории «ответственность» позволит не только определить их правовой статус, но и обеспечить максимальное соответствие всей отрасли идее законности, сузив пределы усмотрения, которые сегодня практически не имеют своих границ, по крайней мере в отечественном уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве. При этом, исходя из анализа действующих нормативных правовых актов, современной доктрины, а также уже сформировавшихся подходов в практике применения средств принуждения в отношении заключенных, допус-

¹ Во многом данную позицию уже в советский период поддерживал патриарх отечественного исправительно-трудового права А. Л. Ременсон, который обращал внимание на то, что данная отрасль права по большей части состоит из норм уголовного и административного права.

тивших нарушение режима отбывания наказания, можно выделить следующие формы реализации, рассмотрение которых необходимо в рамках кате-

гории «ответственность»: ограничение, лишение, принуждение, контроль, порицание, иные средства принуждения.

1. Кузнецов А. А. Ответственность как правовая категория и ее влияние на развитие уголовного и уголовно-исполнительного права // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 81—90.

2. Липинский Д. А. Правовая природа юридической ответственности в уголовно-исполнительном праве // Прикладная юридическая психология. 2017. № 3. С. 133—138.

3. Карпов К. Н. Пробация как элемент социального контроля за лицами, совершившими преступление // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 2. С. 178—187.

4. Антонов Т. Г. Меры принуждения в уголовно-исполнительном праве: понятие и классификация // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Новокузнецк, 17—18 ноября 2018 г.). Новокузнецк: Кузбас. ин-т ФСИН, 2018. С. 56—57.

5. Греков М. Л. Тюремные учреждения России в середине XIX — начале XX века // Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, 1845 года: концептуальные основы и историческое значение (к 170-летию со дня принятия): материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Геленджик, 2—3 октября 2015 г.). Краснодар: Кубанск. гос. ун-т, 2016. С. 170—173.

6. Козочкин И. Д. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2007. 476 с.

7. Голованова Н. А., Козочкин И. Д., Крылов Н. Е. Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии): сб. законодат. материалов / под ред. И. Д. Козочкина. Москва: Зерцало, 2001. 352 с.

8. Маруков А. Ф. Тюремная политика Англии и Уэльса: Историко-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2001. 308 с.

9. Баранов В. М. Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1989. 400 с.

10. Баранов А. М. Законность в досудебном производстве по уголовным делам: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2007. 413 с.

1. Kuznetsov A. A. Liability as a legal category and its impact on the development of criminal and penal law. Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 81—90, 2025. (In Russ.).

2. Lipinskiy D. A. Juridical nature of legal liability in penal law. Applied legal psychology, 133—138, 2017. (In Russ.).

3. Karpov K. N. Probation as an element of social control over persons, having committed a crime. Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 178—187, 2023. (In Russ.).

4. Antonov T. G. Coercive measures in penal law: concept and classification. In: Penal system today: cooperation between science and practice. Proceedings of the Russian scientific and practical conference, 17—18 November 2018, Novokuznetsk. Novokuznetsk: KI of the FPS of Russia; 2018: 56—57. (In Russ.).

5. Grekov M. L. Prison institutions of Russia in the middle of 19th — in the early 20th centuries. In: Code of criminal and correctional punishments, 1845: conceptual foundations and historical significance (by the 170th anniversary of its adoption). Proceedings of the International scientific and practical conference, 2—3 October 2015, Gelendzhik. Krasnodar: the Kuban State University; 2016: 170—173. (In Russ.).

6. Kozochkin I. D. Criminal law of the USA: achievements and problems of reforming. Saint Petersburg: Legal center Press; 2007: 476. (In Russ.).

7. Golovanova N. A., Kozochkin I. D., Krylov N. Ye. Criminal legislation of foreign countries (Great Britain, the USA, France, Germany, Japan). Collection of legislative materials. Red. by I. D. Kozochkin. Moscow: Zertsalo; 2001: 352. (In Russ.).

8. Marukov A. F. Prison policy of England and Wales: historical and legal research. Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2001: 308. (In Russ.).

9. Baranov V. M. Truthfulness of Soviet law norms. Problems of theory and practice. Saratov: Publishing House of the Saratov University; 1989: 400. (In Russ.).

11. Чубраков С. В. Проблема принципов в уголовно-исполнительном праве: история и современность. Томск: Изд. дом Томск. гос. ун-та, 2015. 128 с.
12. Бавсун М. В. Целесообразность в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002. 186 с.
13. Бавсун М. В., Пирожников А. Н. Подходы к классификации иных мер уголовно-правового характера, направленных на противодействие преступлениям, совершаемым против интересов Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1. С. 84—93.
14. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Особенности уголовного наказания в аспекте рискологического анализа // Правосудие. 2022. № 2. С. 134—150.
15. Антонов А. Г. Уголовно-правовое и уголовно-исполнительное принуждение: сходство и отличия // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. (Томск, 30 января — 2 февраля 2019 г.). Томск: Изд. дом Томск. гос. ун-та, 2019. Т. 82. С. 44—46.
16. Чашников В. А., Фалькина Т. Ю. О соотношении понятий «принуждение» и «насилие» // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 1. С. 41—43.
17. Серегина В. В. Государственное принуждение по советскому праву. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1991. 120 с.
18. Элькинд П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. 143 с.
19. Карпов К. Н. Теоретические основы социального контроля в уголовно-правовой сфере. Омск: Омская акад. МВД России, 2025. 220 с.
20. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая. Т. 2. Тула: Автограф, 2001. 688 с.
21. Ременсон А. Л. К вопросу о месте норм исправительно-трудового права в системе советского права // Проблемы повышения эффективности правового регулирования на современном этапе: сб. ст. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1976. С. 146—154.
22. Пионтковский А. А. Избранные труды. Т. 1. Казань: Каз. гос. ун-т, 2004. 372 с.
23. Лучинский Н. Ф. Основы тюремного дела. Санкт-Петербург: Ред. журн. «Тюрем. вестн.», 1904. 180 с.
10. Baranov A. M. Legality in pre-trial criminal proceedings. Dissertation of doctor of juridical sciences. Omsk; 2007: 413. (In Russ.).
11. Chubakov S. V. Problem of principles in penal law: history and modernity. Tomsk: Publishing House of the Tomsk State University; 2015: 128. (In Russ.).
12. Bavsun M. V. Expediency in criminal law. Dissertation of candidate of juridical sciences. Omsk; 2002: 186. (In Russ.).
13. Bavsun M. V., Pirozhnikov A. N. Approaches to the classification of other criminal-law measures aimed at combating crimes committed against the interests of the Russian Federation. Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta MVD Rossii, 84—93, 2024. (In Russ.).
14. Babayev M. M., Pudovochkin Yu. Ye. Features of criminal punishment in the aspect of riskological analysis. Justice, 134—150, 2022. (In Russ.).
15. Antonov A. G. Criminal-legal and penal coercion: similarities and differences. In: Legal problems of strengthening Russian statehood. Collection of articles of the Russian scientific and practical conference, 30 January — 2 February 2019, Tomsk. Tomsk: Publishing House of the Tomsk State University; 2019: 44—46. (In Russ.).
16. Chashnikov V. A., Falkina T. Yu. On the relationship between the concepts of "coercion" and "violence". Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 41—43, 2015. (In Russ.).
17. Seregina V. V. State coercion under the Soviet law. Voronezh: Publishing House of the Voronezh University; 1991: 120. (In Russ.).
18. Elkind P. S. Goals and means of their achieving in Soviet criminal procedure law. Leningrad: Publishing House of the Leningrad University; 1976: 143. (In Russ.).
19. Karpov K. N. Theoretical foundations of social control in criminal law sphere. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2025: 220. (In Russ.).
20. Tagantsev N. S. Russian criminal law. General Part. Vol. 2. Tula: Avtograf; 2001: 688. (In Russ.).
21. Remenson A. L. On the place of norms of correctional labor law in the Soviet law system. In: Problems of improving efficiency of legal regulation at the current stage. Collection of articles. Tomsk: Publishing House of the Tomsk State University; 1976: 146—154. (In Russ.).

24. Дворецкий М. Ю. Эффективность уголовной ответственности // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: сб. материалов Второй науч.-практ. конф. (Москва, 22 окт. 2014 г.). Москва: РГУП, 2015. С. 76—85.

Кузнецов Алексей Александрович,

доцент кафедры
уголовного права и процесса
Сочинского филиала
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России),
кандидат юридических наук, доцент;
omsklaw07@mail.ru

22. Piontkovsky A. A. Selected works. Vol. 1. Kazan: the Kazan State University; 2004: 372. (In Russ.).

23. Luchinsky N. F. Fundamentals of prison service. Saint Petersburg: Editorial office of the "Prison Journal"; 1904: 180. (In Russ.).

24. Dvoretzkiy M. Yu. Effectiveness of criminal liability. In: Topical problems of theory and practice of criminal law application. Collection of proceedings of the Second scientific and practical conference, 22 October 2014, Moscow. Moscow: Russian State University of Justice; 2015: 76—85. (In Russ.).

Kuznetsov Aleksey Aleksandrovich,

associate professor at the criminal law
and criminal procedure department
of the Sochi branch
of the All-Russian State University of Justice
(Russian Law Academy
of the Ministry of Justice of Russia),
candidate of juridical sciences, docent;
omsklaw07@mail.ru

Статья поступила в редакцию 03.10.2025; одобрена после рецензирования 06.10.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 03.10.2025; approved after reviewing 06.10.2025; accepted for publication 17.11.2025.

* * *